

Хрущ — "легенда"

*Дорогой Хрущ!
Пишу к Вам... Спасибо Вам... Что
Вы все-таки были... Что Вы все-таки
есть...*

*Прошли "хрущевские" времена,
точнее "хрущиковские", а еще точнее
"Сычикоплюсхрущиковские"...*

*К Вам тянуло многих. А почему?
Талант, безусловно, но кроме этого...
еще Что-то... Тонкое чувство, тепло,
душевность... Особенно тянуло к Вам
молодых... Все заключалось в самом
Маэстро. Стоило перешагнуть порог
и увидеть Валентина, и вот — та-*

инственные правила — и остальное — как в сказке... само собой...

*Последнее время уходят любимые нами художники. Многие почувство-
вали сейчас соборность, некую заговорищскую связь вокруг общих потерь.
И тем не менее, с нами остается Что-то... Не говоря уже о вполне реаль-
ных "творчествапродуктах"... Хрущ — есть Хрущ!.. Концентрируя вокруг
все живое, талантливое, настоящее...*

Светлая Вам память...

Ольга КОТОВА
5 ноября 2005 года

Хрущик, с сигареткою в зубах, говорил,
Посмеиваясь негромко, о сказках. Шахерезада его околдовала.
Рядом рыбка деревянная лежала (сигарет и спичек явно не хватало).
Мальчик Плисса на лошадке тихо улыбался...

Хрущ — "легенда" (хотя из своей жизни он театра никогда не делал). Его жизнь сопровождал невероятный калейдоскоп событий и приключений. О себе для неофициального самиздатовского каталога "Художники Одессы. Выпуск первый. 1980" Валентин написал с юмором: "Родился я 24 января 1943 года в Одессе на Пересыпи. Живописи нигде не обучался. Работаю самостоятельно. В официальных выставках не участвую. По про-

Кот белый

фессии печник. Живу на сбережения бабушки". В его внешности и манере поведения было что-то восточное, чувственное, от сказок "Тысяча и одна ночь". В том, что и как он делал, большой артистизм — в любом мазочке, прикосновенье к полотну и в жизненном общении. Не делал лишнего там, где этого делать не надо. Друзья его вспоминают, как он ходил то в бежевой шинели, которая не весилась, а ставилась, такая она была "дубовая", то в изысканной шляпе "Стэтсон", то в ботинках "Нариман",

про его уникальные портфели и редкостные трубки, о том, как его знал весь город и он всех знал, как он купил машину "Запорожец", и она годами, ржавая, стояла под его окном, как он коллекционировал стамески, фотоаппараты и еще Бог знает что, как он разводил пчел, занимался реставрацией, про его чаепитие на Чижикова, об интерьере его квартиры, которая могла бы послужить прототипом жилья Сталкера в фильме Андрея Тарковского и многое другое. Но самое главное в нем — его художественный дар: свободное артистичное владение акварелью и гуашью, всеми стилями живописи, коллажами, скульптурой и виртуозной резьбой по дереву. "Одновременно с Тапиесом, не зная его, Хрущ создает живопись, равную ему и уровню лучших европейских мастеров. Не зная о концептуализме Запада, он производил акции дома, у моря на пляже, в мастерских и домах своих друзей и случайных знакомых" (М. Жаркова). Но как бы подробно ни описывать человека, за кадром остается что-то главное, обаяние, притяжение личности.

Искусство — выбор судьбы. В 60-е Валентин Хрущ около двух лет провел в Санкт-Петербурге, чуть не каждый день посещая Эрмитаж, вот и образование (плюс музеи Одессы). О детстве Хруща рассказал Ю. Плисс такую историю: своему отцу, капитану, заказало юное чадо привезти акварельные краски "Winsor&Newton", на что отец ответил по приезде: "Ну и разорил же ты меня!". Первую склонность к "искусству" ощу-

тил, прогуливая занятия в школе, причем настолько мастерски, что месяцами никто ничего не мог заподозрить. Убегал на море. Очень много дало общение с Олегом Соколовым, как его называют — "первым абстракционистом Одессы", который ввел, со слов Валентина, традицию квартирных выставок. Его Хрущ считает своим основным учителем (в плане свободы). На его становление как художника на определенном этапе повлиял Ю. Егоров с его мощью живописи. В Одесской художественной школе учился у талантливого педагога и деликатного человека Н. Зайцева вместе с А. Ануфриевым, В. Стрельниковым, будущими метрами одесского нонконформизма. Из художественной школы выгнали Хруща

Натюрморт

за "левый уклон", таскал с собою репродукции Матисса. Среди первых художников, которые понравились, — М. Врубель, П. Боннар, Берта Моризо, М. Фортунни, просто раньше попались репродукции их работ, чем более поздних кумиров — П. Сезанна, А. Матисса, М. Ротко и др.

Хрущ — авторитетная фигура в Одессе по силе притяжения и влияния на последующие поколения, наравне с К. Костанди, который основал южнорусскую школу, В. Кандинским, с именем которого связаны "Салоны Издебского" и новаторские поиски в искусстве, Т. Фраерманом, который был в свое время членом жюри парижского Осеннего салона и приверженцем французской живописи, Ю. Егоровым с южным колоритом и пространственным видением мира как материи, стихии. В учебном пособии "Украинская и зарубежная культура XX столетия" Г.С. Медниковой находим: "На Украине концептуализм как направление практически отсутствовал. Только в Одессе на границе 70-80-х лет под влиянием деятельности В. Хруща и одесско-московских культурных связей сложилась группа концептуалистов..." (так называемый "Одеколон" — одесская колония). Он — один из немногочисленных "шестидесятников", кто серьезно отнесся к молодому поколению, с которым он реально работал. Его открытость в общении, свобода и незаурядный талант привлекали молодых художни-

ков: А. Лисовского, Ю. Плисса В. Рябченко, Л. Войцехова, с некоторыми из них устраивали общие выставки в Беляево. А. Ройтбурд и С. Ануфриев на некотором этапе находились под его влиянием. Общие работы В. Хрущ делал с В. Наумцом, Э. Павловым, Е. Рахманиным. Произведения В. Хруща разлетелись по всему миру (Украина, Россия, Австралия, Австрия, Израиль, Испания, Канада, Англия (Лондон), Мексика, Германия, США, Франция (ЮНЕСКО), Финляндия, Швеция и т. д.) и некоторые из них находятся в наипрестижнейших коллекциях. (Например, С. Чаркина поразил прекрасный портрет в каталоге "Аукциона Филиппс": портрет оказался В. Наумца, исполненный В. Хрущом.) Много в рассказах о нем, безусловно, мифологизировано, но нельзя возразить тому, что он во многом повлиял, и где-то даже формировал культуру Одессы. Недаром же после знаменитой акции "Сычик+Хрущик", которая была за семь лет до бульдозерной выставки, повторили "подвиг" через десять лет на том же месте Е. Рахманин и В. Рисович, а через тридцать лет "Новую версию" предложила ассоциация "Новое искусство".

Позвольте напомнить о небезызвестной легенде, заборной выставке 67 года, о которой было уже не раз сказано и писано (и М. Жарковой, и Т. Басанец, и Е. Голубовским, и Ф. Кохрихтом, и др.)... Итак, Палероаль, оперный, забор, картины... По прошествии некоторого времени с начала акции "Сычик+Хрущик" на вопрос комсомольского вида юношей: "Что это такое, кто разрешил? Кто такой Хрущик?" — сказали: "Сын морского волка и служащей коммунхоза", а на вопрос: "Кто организовал?" — ответили: "Передвижная молодежная лаборатория Советского Союза"... Ситуация весьма характерна для Одессы. И то, что в первом случае обошлось без жертв (во втором же все-таки Е. Рахманина и В. Рисовича отвезли в "ментовку"), говорит о пространстве и времени. Рассказывают о квартирных выставках той эпохи, во время которых Хрущик иногда рисовал на полу, о перформенсах Валентина, вовлекавшего в игру зрителей и тому многое подобное...

Мягкость, нежность, эстетство, глубина (в лучших работах), тонкое чувство цвета, пространства и плоскости, свобода, артистизм, неравнодушные мгновения, прочувствованные в творчестве, присущи этому талантливому человеку ("Жизнь есть талант, данный человеку для роста" (Л. Толстой)). Это все ж таки очень одесский художник (несмотря на то, что с 80-х обитал в Подмоскowie) и невероятно молодой (хотя ему перевалило чуть за шестьдесят). О нем не написано пока что толстых монографий, но мимо его личности пройти невозможно, многие друзья-художни-

ки, искусствоведы, критики посвящали ему свои эссе. Многократный участник неофициальных квартирных выставок в Одессе, Москве и международных (Австрия, Англия, Голландия, Ирландия, Германия, Швеция, Швейцария, Финляндия и т. д.); у В. Хруща было несколько персональных выставок — в Москве: в 1989 (выставочный зал "Дом 100"), в 1989 (ЦДХ), в 1994 (дом Поливанова); в 1991-1992 (Лондон. Галерея "Красный квадрат"); в Одессе в 1993 (музей "ТИРС"), в 2002 — в рамках фестиваля "Культурные герои" (галерея "Либерти"), в 2002 (Музей западного и восточного искусства); в 2003 (галерея "СОВИАРТ", Киев) и масса других. Интересны наблюдения его друзей, скульптора Н. Степанова (сделавшего ему посвящение — деревянного Хрущика с рыбками) и художника Ю. Егорова, у которых он жил и работал в мастерских в разное время. Н. Степанов пишет: "Люда Ястреб, Хрущ — люди первого порядка, у них нет страха. Жажда творчества, которая проснулось в молодых силах, дает им отвагу видеть правду. Коротко, но подобное испытывали многие. И даже я доверял своим рукам больше, чем мозгам, опыту". Ю.Н. Егоров рассказывает: "На меня там две недели сильно Хрущик влиял, когда я увидел его замечательный автопортрет. Это действительно замечательная работа. Когда начал следующую работу, чувствую, что под Хрущика пишу, где-то мазочек так кладу. Но это было недолго...". В Хрущике есть что-то трогательное, настоящее, жизненное (по словам одесского поэта Игоря Павлова, в нем столько жизни, что на всех бы хватило) и виртуозность исполнения, будто оно само себя создало.

Попытка сформулировать "творческое кредо" Валентина Хруща обусловила интервью, взятое у него во время посещения Одессы в 2002 году, когда в Музее западного и восточного искусства проходила его выставка.

Концепция

со слов художника (воспроизведенная по памяти) выглядела приблизительно так:

"Если ты можешь ничего не делать, то не делай. Я всегда старался придерживаться этого принципа. Но если ты можешь прибавить что-нибудь, ты уже серьезно участвуешь в этом. Восточная мудрость настолько оправдала себя. Ближе всего Дзен, если о чем-то говоришь, то оно исчезает. В таком случае оно не зависит ни от пространства, ни от времени...

Никогда из жизни своей я не делал театра. Я всегда прекрасно понимал, что живу на берегу моря. Прекрасный, божественный Рай. Каждый прожитый день прекрасный...".

Рыбка. Дерево

в точку В. Верх — черный, низ — белый. Глазик рисуем и хвостик процарапываем. В действительности же светлый низ и темный верх — это защитная, естественная окраска. А для нас — это формальная проблема. Если берем лист, определяем формат и в это пространство вписываем форму. Примитивно, но так оно и есть..."

О живописи в контексте культуры

"Форма — рыбка — готова. Ее можно и раскрасить. Берем марс желтый, слегка разбавляем снизу, добавляем цвет сверху. Вся проблема теплого и холодного..."

Если мы говорим (например) дерево, сирень, то сразу определяем время года. Мы окрашиваем сирень в сиреневый. Мы знаем сирень Врубеля, Борисова-Мусатова, Костанди. Каждая сирень имеет свои оттенки. Если мы говорим сирень Врубеля — это довольно стойкий цвет (имеется в виду образ цвета).

Живопись — то прекрасное явление, когда краска исчезает и появляется что-то другое, это тот промежуток, когда появляется... Живопись. Например, Питер де Кох, не говоря уже о Рембрандте. Если говорим: киноварь Рембрандта, то такого красного ни у кого другого нет. Говорим: Рембрандт, а имеем в виду "Возвращение блудного сына", не "Данаю", а говорим — Рембрандт.

Так же и Ротко — "Оранжевый квадрат", или "Черный квадрат" Малевича. До этого все уже было в Древнем Китае. Там нельзя ни прибавить, ни убавить, ни разрушить. Так же, как и древнеегипетская цивилизация — это идеальная форма.

Как и Возрождение. Может оно возродить античный мир? Если поставить рядом Венеру Милосскую и Венеру Боттичелли? И то и другое представляет лучшее в свой период. То, что у Венеры обломаны руки, нам не мешает. Что же мы видим? С одной стороны Боттичелли, с другой — Венера Милосская. Можно ли сказать, что тот грек хуже? Чем больше загадок, тем прекраснее, совершеннее, Божественное условие.

Если взять Египет — это же абстракция. Чем подготовленнее человек, тем более он видит абстрактного, меньше подделки.

Антика совершенна. Впервые я видел в Санкт-Петербурге коллекцию, составленную из разных союзных коллекций. Лучшее, что мне понравилось, было из одесской коллекции. Эротика в античном мире имела очень большое значение. Очень красиво они это рисовали, без вульгарности. Вахх догоняет вакханку. Если говорим о Возрождении — "Пастораль" — пастух с пастушкой.

В эпоху Возрождения появляются береты, бархатные жилеты вместо тог. (Так и в природе, когда горят торфяники. Моря горят. Лиманы соленые опресняются. Соль должна выпасть в кристалл. Зеленая трава прорастет на сваях.) На смену Античности теплой приходит Возрождение. Человек утепляется: бархатные кафтаны нитями разноцветными украшает. Короли — это уже другое общество. Меняется все сразу. Художник не сам по себе, а принимает участие, зависит от общества..."

У художника Валентина Хруща — легкость, артистичность исполнения с тонким цветовидением и ощущением пространства в живописи маслом, темперой, гуашью, акварелью. Неукротимый экспериментатор: утонченные коллажи, пастели, деревянная резьба, поп-арт, концептуальное искусство, увлеченность фотографией. Любимые мотивы — натюрморты с рыбками, портреты друзей, автопортреты, композиции с женскими обнаженными фигурами, абстракции и т. д.

Портреты рыбок на блюде, на веревке создали лицо В. Хруща, после него начался "рыбный" период у Е. Рахманина на белой бумаге, у Ю. Плисса с более "интеллигентными" рыбками. Картинные "Рыбки" на веревке завили, увековечились. Блестя серебряной чешуей, ритмически расположенные на разбеленно-охристой стенке, с эффектом присутствия. Мастерская подпись "В. Хрущ" дополняет и уравнивает работу, обрамленную темной, цвета красного дерева рамой. "Рыбки на блюде" — семейный портрет двух рыбок, артистически выполненный пастелью с характерной подписью художника, удерживающей композиционное равновесие. Деревянные рыбки — момент соединения реальной познаваемости предмета с артистичной профессиональностью выполнения и легкой игрой творца.

(Кстати, задолго до В. Хруща натюрморты с рыбками писал одесский художник Н.А. Шелюто — и Валя знал их, и продолжал традицию. — **Е. Голубовский**)

"Портрет В.В. Сальниковой" в синей кофте, хотя отдаленно и напоминает "Даму в голубом" П. Пикассо — целиком самодостаточный, с тончайшим ощущением цвета в пространстве. Пикассо, "пропущенный" через Хруща, — живописный, его зацепил ранний голубой период (очень краси-

Ольга Котова
Хрущик+Наполеон

разных блюд, подбирая компоненты по цвету. Нерукотворность, легкость исполнения, непредсказуемость — характерные особенности художника.

В. Хрущ — мастер облагораживания обычных вещей. "Натюрморт с раковиной" — выхваченный фрагмент из жизни художника. Картина в картине. При спокойной ритмике предметов, подчеркнутой горизонтали стола присутствует буйство эмоций в картинке с несущимися тучами и волнами, и лишь замер парус одинокий. Чувство одиночества и романтика пронизывают многие натюрморты Хруща. Хотя в оранжевом апельсине (ярчайшем пятне, претендующем на композиционный центр) заключена безумная радость жизни.

"Наполеон" Хруща — выразителен, решен с помощью монохромных белой и черной, слегка тронутый красной, на теплой имприматуре. Бледно-печальный человек с трагической судьбой на челе, видимо, после поражения под Москвой. Здесь тот синтез традиций и новаторства, делающий произведение острым и интересным.

"Модель" — полуфигура полуобнаженной женщины — чувственная,

вая маленькая белая "ню" Хруща на синем фоне).

На разных этапах творческого становления каждый художник чувствует влияние "великих", у каждого — свои, у В. Хруща есть посвящения М. Караваджо, П. Сезанну, А. Матиссу, многим другим, но Хрущ — настолько индивидуальный, что любую работу можно считать "диалогом времен". Воспитанный на южно-русской школе, Т. Фраермане и французах, абстрактном экспрессионизме и поп-арте, художник не перестает экспериментировать. И в жизни — вспоминается рассказ друзей о нем, как в гостях за общим столом Хрущ на своей тарелке выложил целую "палитру" из

тонкая работа. Жизнь и "зазеркалье"... Прекрасно "срежиссированная", на подъеме написанная...

"Осенний мотив" — красивая эстетская работа: при скупой палитре — максимум выразительности. У "раннего" Хруща портреты гризайльные, а в них — ощущение цвета. "Осенний мотив", на самом деле, ассоциируется с осенью чувств, стеной старого заброшенного дома с почтовым ящиком без имени адресата; дождем, капающим по стеклу и смывающим слезы; последним автобусом (на который смотрим сверху, с неба), едущим по улице, освещенной фонарем, или в никуда, в бесконечность...

От редакции:

В отличном эссе Ольги Котовой нет нет концовки, завершенности. А быть может, это и разумно — размышлениям о Валике, о художнике В. Хруще еще рано оканчиваться.

